

СИБИРСКИЙ ТЕКСТ

В.И. Габдуллина¹

Алтайский государственный педагогический университет

«СИБИРСКИЙ ТЕКСТ» ДОСТОЕВСКОГО: ОБРАЗ ПРОВИНЦИИ²

В статье уточняется дефиниция «сибирский текст Достоевского», реконструируется образ сибирской провинции в восприятии и изображении писателя на материале произведений «Записки из Мертвого дома», «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели» и романов, написанных после возвращения из ссылки, в которых отразились воспоминания о Сибири, а также писем из Сибири и о Сибири.

Ключевые слова: Сибирский текст, провинциальный текст, метатекст, автобиографический подтекст.

V.I. Gabdullina

Altai State Pedagogical University

THE “SIBERIAN TEXT” OF DOSTOEVSKY: THE IMAGE OF THE PROVINCE

The article clarifies the definition of «Siberian text of Dostoevsky», the image of the Siberian province in the writer's perception and description is reconstructed on the basis of such works as «Notes from the Dead House», «Uncle's Dream» and «The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants» which were written after the return from exile, reflecting memories of Siberia, as well as on the basis of the letters from Siberia and about Siberia.

¹ Валентина Ивановна Габдуллина, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул).

² Статья выполнена в рамках гранта Российского гуманитарного фонда, проект № 16-14-22002.

Keywords: Siberian text, provincial text, metatext, the autobiographical subtext.

Понятие «сибирский текст» достаточно популярно в современных литературоведческих исследованиях, однако его содержание, наполнение, структура и семиотика еще недостаточно изучены и определены. Еще менее очерчено понятие «сибирский текст Достоевского».

Наметились два подхода к осмыслению феномена сибирского текста. Первый восходит к семиотической теории «текста» и её практической реализации в интерпретации «Петербургского текста русской литературы» В.Н. Топорова [Топоров, 1995, с. 269-367] и к трактовке «сибирского текста», подобного любому «территориальному тексту» как политекстуальному единству, складывающемуся вокруг топонимов высокой культурной значимости – Петербург, Москва, Венеция, Кавказ, Сибирь, Урал, русский Север и т.п., как мегатекстового образования [Тюпа, 2011, с. 122]. Второй подход связан с пониманием «сибирского текста как аутентичного локальной словесности, катализатором которого служит территориальная идентичность» [Анисимов, 2010, с. 3]. На этом основании в «Очерки русской литературы Сибири», изданные Институтом филологии СО РАН, были включены, например, главы, посвященные очеркам «Из Сибири» А.П. Чехова [Очерки русской литературы Сибири, 1982]. Но при этом обойденными вниманием оказались «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского, произведение, по верному замечанию Е.А. Акелькиной, заложившее «основы самого плодотворного и перспективного в сибирской литературе очеркового жанра» [Акелькина, 2007, с. 63], а также написанные во время пребывания Достоевского в Сибирской ссылке, его военной службы в Седьмом Сибирском линейном батальоне произведения – повесть «Дядюшкин сон» и роман «Село Степанчиково и его обитатели» (1959 г.), в которых писатель впервые обращается к изображению провинциальной жизни, толчком к чему послужило его вынужденное пребывание в «не столь отдаленных местах Сибири».

Тема провинции в творчестве Достоевского неоднократно привлекала внимание исследователей, обращавшихся к вопросам топонимии и топографии провинциального города в романах «Бесы», «Братья Карамазовы» и его связям с реальными топосами [Альтман, 1976, с. 51-57], [Жирпотин, 1983, с. 9-21], [Реймус, 1991, с. 258-266], провинциальный город рассматривался как часть национального

Космоса [Гачев, 1973, с. 110, 124]. К провинциальному тексту применялся структурно-семиотический анализ, позволивший определить его границы и состав в рамках творчества Достоевского [Штерн, 2005], а также интертекстуальный подход для осмысления оригинальной проблематики и отношения автора к предшествующей традиции и к творчеству его современников, творцов провинциального текста русской и зарубежной литературы [Кибальник, 2013].

Попытаемся реконструировать образ сибирской провинции в восприятии и изображении Достоевского, для чего необходимо будет обратиться к широкому кругу текстов: не только к «Запискам из Мертвого дома», но и к письмам Достоевского из Сибири и к тем, в которых писатель вспоминает о своем пребывании в Сибири, а также к «сибирским» произведениям Достоевского (в которых Сибирь не упоминается, но изображение провинциальной жизни в них отразило впечатления от сибирской провинции), и к романам, написанным после возвращения из ссылки, в которых отразились воспоминания о Сибири.

Безусловно, главным текстом в этом случае является роман «Записки из Мертвого дома», в котором автор создает собирательный образ сибирской провинции, вобравший в себя впечатления и от города Омска, в котором находился каторжный острог, где Достоевский отбывал срок каторги, и от других провинциальных сибирских городов, в которых писатель бывал во время своей сибирской ссылки. Принято считать, что Достоевский описал в своем романе «о погибшем народе» Омский каторжный острог. Это действительно так, но следует уточнить, что в тексте «Записок из Мертвого дома» упоминаются два разных города: первый – это город, в котором жил на поселении после выхода из острога герой-рассказчик Александр Петрович Горянчиков (Введение), второй – город, в котором находился каторжный острог, описанный в «Сценах из Мёртвого дома» Горянчиковым (Части первая и вторая).

Начнем с развернутого описания сибирского провинциального города, которым открываются «Записки из Мертвого дома»: *«В отдаленных краях Сибири, среди степей, гор или непроходимых лесов, попадаются изредка маленькие города, с одной, много с двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные, с двумя церквями – одной в городе, другой на кладбище, – города, похожие более на хорошее подмосковное село, чем на город»* [Достоевский, 1972, т. 4, с.

5]¹. Заметим, что таким образом даётся характеристика типичным городам Сибири, в одном из которых автор встретил Александра Петровича Горянчикова. К городу Омску, который в середине XIX в. являлся административным центром Западно-Сибирского генерал-губернаторства, насчитывал около 12 тыс. жителей и застроен был не только невзрачными деревянными, но и основательными каменными строениями [Кочемадов, 1960, с. 22-40], это описание не имеет прямого отношения. Очевидно, речь в романе идет о городе другого, более мелкого масштаба.

Город Омск и находящийся в нем острог, со всей очевидностью, упоминается в эпилоге романа «Преступление и наказание»: *«Сибирь. На берегу широкой, пустынной реки стоит город, один из административных центров России; в городе крепость, в крепости острог»* [Достоевский, 1972, Т. 6, с. 410]. В первой и второй частях «Записок из Мертвого дома» описана жизнь острога, находящегося в крепости на окраине большого города, стоящего на берегу Иртыша. Очевидно, в обоих случаях, прототипом сибирского города, в крепостном остроге которого отбывают срок каторжных работ Раскольников и Горянчиков, был Омск.

Заметим, что города, о которых идет речь в романе «Записки из Мертвого дома», не имеют имён, что является показателем их типичности. Как отмечает А.Ф. Белоусов, исследовавший «символику захолустья» в русской литературе, отсутствие имени («минус имя») – обычно «дурной знак»: это – знак провинциальности города: «Отсутствует имя, которое индивидуализирует город, делает его единичным и уникальным. Лишенный имени, он представляет некое множество однородных объектов» [Белоусов, 2004, с. 186].

Под вышеприведенное описание заштатного городка из Введения «Записок из Мертвого дома» по многим параметрам не подходят ни Семипалатинск (в котором Достоевский отбывал ссылку), ни Барнаул (в котором неоднократно бывал). Скорее всего, прототипом этого уездного сибирского города стал Кузнецк. Намек на название этого города содержится в буквенном обозначении – «городок К.» (о Горянчикове сказано: *«...смирненно и неслышно доживал свой век в городке К. поселенцем»*) [Достоевский, 1972, т. 4, с. 6]). Достоевский впоследствии обращался к приему номинации города по его инициалу в ряде своих произведений. И хотя, как отмечал М.С.

¹ Здесь и далее курсив наш. – А.Г.

Альтман, «определить подлинное название города по его инициалу подчас не так легко» [Альтман, 1976, с. 51], предположение, что под буквой К. скрывается именно Кузнецк, представляется оправданным¹.

А вот следующее рассуждение об условиях жизни и службы в сибирской провинции касается, очевидно, в первую очередь, таких городов, как Омск и Барнаул. *«Вообще в Сибири, несмотря на холод, служить чрезвычайно тепло. Люди живут простые, нелиберальные; порядки старые, крепкие, веками освященные. Чиновники, по справедливости играющие роль сибирского дворянства, – или туземцы, закоренелые сибиряки, или наезжие из России, большею частью из столиц, прельщенные выдаваемым не в зачет окладом жалования, двойными прогонами и соблазнительными надеждами в будущем»* [Достоевский, 1972, т. 4, с. 5].

Известно, что Достоевский вынашивал планы поселиться в Барнауле по окончании срока ссылки, если ему не разрешено будет вернуться в центральную Россию. В одном из писем из ссылки, предполагая остаться в Сибири надолго и успокаивая родных относительно своей судьбы и положения обретенной семьи (жены Марьи Дмитриевны и пасынка Паши, которых ему нужно содержать), Достоевский сообщает: *«В Сибири такая нужда в людях честных и что-нибудь знающих, что им дают места (частные, например, у золотопромышленников) с огромными жалованиями»* [Достоевский, 1985, т. 28/1, с. 262]. Подобным образом характеризует условия жизни в Сибири Иван Петрович (герой-рассказчик романа «Униженные и оскорбленные»): *«В Сибири совсем не так дурно, как кажется. <...> В Сибири можно найти порядочное частное место...»* [Достоевский, 1972, т. 3, с. 221].

Во Введении к роману издатель «Сцен из Мертвого дома» пишет: *«В одном из таких веселых и довольных собою городков, с самым милейшим населением, воспоминание о котором останется неизгладимым в моем сердце, встретил я Александра Петровича Горянчикова»* [Достоевский, 1972, т. 4, с. 6]. В этой записи явно отразились впечатления самого Достоевского, для которого Сибирь

¹ О.С. Голуб в статье «Легенды о пребывании Достоевского в Кузнецке» комментирует описание «маленького города» в «Записках из Мертвого дома»: «...именно в таком маленьком городе случится очень важное для него [Достоевского. – В.Г.] событие: 6 февраля 1857 года состоится долгожданное венчание с Марией Дмитриевной Исаевой» [Голуб, 2006].

стала не только местом наказания и страдания, но и знакомства с неизвестными для него ранее провинциальными нравами, бытом, и укладом жизни, которые были непривычны для московского и петербургского жителя, казались странными и «веселыми».

Контрастно выглядят строчки из письма к брату Михаилу, написанные по свежим впечатлениям от Омска¹, и панегирик сибирской провинции во вступлении к роману «Записки из Мертвого дома»: *«...не только с служебной, но даже и со многих точек зрения в Сибири можно блаженствовать. Климат превосходный; много чрезвычайно богатых и хлебосольных купцов; много чрезвычайно достаточных инородцев. Барышни цветут розами и нравственны до последней крайности. Дичь летает по улицам и сама натывается на охотника. Шампанского выпивается неестественно много. Икра удивительная. Урожай бывает в иных местах сам-пятнадцать. Вообще земля благословенная»* [Достоевский, 1972, т. 4, с. 5-6].

В описании Сибири как «благословенной земли» проявляется желание автора опровергнуть сложившиеся в сознании современников стереотипы о Сибири как о суровом крае, месте каторги и ссылки, и как о диком, не освоенном человеком пространстве. В авторском варианте сибирского мифа расхожее представление о сибирских городах, по улицам которых разгуливают медведи, подменяется другим, менее пугающим: *«Дичь летает по улицам и сама натывается на охотника»* [Там же, с. 5].

По замечанию Е.А. Акелькиной, «в интродукции о Сибири ощущается двуплановость повествования, как бы содержащего в себе две точки зрения: очевидца-провинциала, мыслящего общепринятыми штампами, и некоего безличного взгляда, сродни объективности стороннего наблюдателя» [Акелькина, 2007, с. 69]. На самом деле, как раз взгляд человека со стороны, не знакомого с жизнью далекой сибирской провинции, грешит штампами и стереотипами. Автор-издатель «Записок из Мертвого дома» позиционирует себя как провинциального жителя, называя город К. «наш городок», куда он возвращается после своей служебной поездки – «домой», однако к моменту написания Введения к «Запискам» Горянчикова их издатель,

¹ «Омск гадкий городишка. Деревьев почти нет. Летом зной и ветер с песком, зимой буран. Природы я не видал. Городишка грязный, военный и развратный в высшей степени. Я говорю про чёрный народ. Если б не нашёл здесь людей, я бы погиб совершенно» [Достоевский, 1985, т. 28/1, с. 171].

очевидно, покинул этот «*благословенный город*» (также, как сам Достоевский покинул Сибирь), что дает ему право заявить, что воспоминание о нем «*останется неизгладимым*» в его сердце. Вкладывая в уста бывшего провинциального жителя описание милого его сердцу городка К., Достоевский дает понять, что тот явно *привирает*, по пословице «*Всяк кулик своё болото хвалит*», приукрашивая в своих воспоминаниях жизнь в далекой сибирской провинции.

Подобное настроение психологически объяснимо. Сам Достоевский после возвращения из ссылки испытывал состояние, близкое к ностальгии, когда писал А.Е. Врангелю: «*Поговорим о старом, когда было так хорошо, об Сибири, которая мне теперь мила стала, когда я покинул ее...*» [Достоевский, 1985, т. 28/1, с. 337] – по пушкинской формуле: «*Что пройдет, то будет мило*».

В «*Записках из Мертвого дома*» по контрасту с описанием жизни каторжан за стенами острога, автором рисуется «*веселая*» и безбедная, почти райская («*земля благословенная*») жизнь сибирской провинции.

Наряду с этим в романе через систему упоминаний, намёков и беглых замечаний складывается реальный образ сибирского провинциального города, в соседстве с которым располагается каторжный острог, что не может не наложить свой отпечаток на его жизненный уклад. Так, во Введении упоминается, что «*в сибирских городах часто встречаются учителя из ссыльных поселенцев; ими не брезгают*» [Достоевский, 1972, т. 4, с. 6]. Горянчиков, например, в качестве учителя вхож в дом «*заслуженного и хлебосольного чиновника Ивана Ивановича Гвоздиков, у которого было пять дочерей, подававших прекрасные надежды*» [Там же], где и встретил его будущий издатель «*Записок*».

Между острогом и жителями города устанавливаются самые разнообразные, в том числе и коммерческие связи: «*Тут были и сапожники, и башмачники, и портные, и столяры, и слесаря, и резчики, и золотильщики. Был один еврей, Исай Бурмитейн, ювелир, он же и ростовщик. Все они трудились и добывали копейку. Заказы работ добывались из города*» [Там же, с. 17]. Были калашницы, которые приходили в острог со своим товаром, была развита контрабанда вином, проституция, как в стенах острога, так и за его пределами («*за деньги и арестантом не брезгают*» [Там же, 38]). Эту сторону влияния острога на жизнь в городе, очевидно, имел в виду Достоевский, когда писал брату об Омске: «*Городишка грязный,*

военный и развратный в высшей степени. Я говорю про чёрный народ» [Достоевский, 1985, т. 28/1, с. 171].

С другой стороны, соседство с «несчастливыми», как называли арестантов в народе, оказывало и другое влияние на городские обычаи, одним из которых были пожертвования и подаяния в пользу арестантов, регулярно поступавшие в острог от жителей города. *«Высший класс нашего общества не имеет понятия, как заботятся о «несчастных» купцы, мещане и весь народ наш. Подаяние бывает почти непрерывное и почти всегда хлебом, сайками, калачами, гораздо реже деньгами»* [Достоевский, 1972, т. 4, с. 18].

Еще об одной примете сибирских городов свидетельствуют «Записки из Мёртвого дома»: *«Есть в Сибири, и почти всегда уже не переводится несколько лиц, которые, кажется, назначением жизни своей поставляют себе братский уход за «несчастливыми», сострадание и соболезнование о них, точно о родных детях, совершенно бескорыстное, святое»* [Там же, с. 67]. Это замечание возникает в контексте упоминания о встрече с женами декабристов в Тобольске (*«которые тоже страдали в ссылке и считали время уже десятилетиями и которые во всяком несчастном привыкли видеть брата»*). *«В городе, в котором находился наш острог, жила одна дама, Настасья Ивановна, вдова», – повествует рассказчик, – <...> Было ли в семействе у ней какое-нибудь подобное же несчастье, или кто-нибудь из особенно дорогих и близких ее сердцу людей пострадал по такому же преступлению, но только она как будто за особое счастье почитала сделать для нас всё, что только могла»* [Там же]. Именно о таких встречах писал Достоевский брату: *«Если б не нашёл здесь людей, я бы погиб совершенно»* [Достоевский, 1985, т. 28/1, с. 171]. В книге М.М. Громыко рассказывается о круге декабристов, их жен и близких к ним людей, которые принимали участие в судьбе политических ссыльных в Сибири и Достоевского, в частности [Громыко, 1985, с. 51-106].

В городах, в которых находились остроги, поселялись приехавшие след за своими осужденными мужьями или женихами женщины, это еще одна примета сибирской провинции. Жены декабристов, очевидно, не были зачинательницами этой традиции, а поступили в духе православных, народных представлений, по пословице: «Куда иголка, туда и нитка» и евангельской истине, ибо «не муж создан для жены, но жена для мужа» (1Кор 11:9). Достоевский помнит об этих женщинах, когда в эпилоге романа «Преступление и наказание» пишет о Соне. Помимо этого, в романе

сказано, что в планах Дуни Раскольниковой и её мужа было поехать в Сибирь и поселиться рядом с острогом, чтобы поддерживать брата. В романе «Братья Карамазовы» Грушенька собирается в Сибирь вслед за Дмитрием Карамазовым. Таким образом, в сибирской провинции складывался свой особый уклад жизни, связанный с тем, что это край каторги и ссылки, с некоторыми сторонами которого соприкоснулся Достоевский во время своего вынужденного пребывания в Сибири и который отразил в своем «сибирском тексте».

Номинация «сибирские повести»¹ Достоевского по отношению к произведениям, написанным Достоевским в ссылке («Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели»), условна и обычно маркирует их по времени и месту создания, а не с точки зрения содержащегося в них метатекста, как это происходит с «петербургскими повестями» писателя.

Действительно, события в этих произведениях разворачиваются не в сибирском топосе. Об этом можно судить по тому, что реалии Сибири в этих произведениях не упоминаются, если не учитывать заснеженной дороги в город Мордасов («Дядюшкин сон»), по пути в который кучер опрокинул экипаж князя К. в сугроб, и описания ветхого, покривившегося и вросшего в землю домишки, обнесенного «*сугробами снегу со всех сторон*» в одной из самых бедных слободок Мордасова, в котором умирает бедный учитель – возлюбленный Зины Москалёвой. Помимо этого, в эпилоге говорится о *главном городе «отдаленнейшего края»*, в который муж Зины был назначен генерал-губернатором, и в финале повести описывается типичный сибирский дорожный пейзаж (впрочем, как и вообще русский зимний пейзаж): «*На бесконечном, пустынном пространстве лежал снег ослепительною пеленою. На краю, на самом склоне неба*

¹ Номинация «сибирские повести» относится к произведениям, написанным Достоевским в Сибири («Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели»), жанровая принадлежность которых по-разному определяется автором, критикой и литературоведением. В статье используется жанровое определение, принятое в Полном собрании сочинений Ф.М. Достоевского (1972 – 1990 гг.), где в примечаниях указанные произведения названы повестями – «две повести, написанные им после каторги, – “Дядюшкин сон” и “Село Степанчиково и его обитатели”» [Достоевский, 1972, т. 32, с. 510].

чернелись леса. <...> Рьяные кони мчались, взрывая снежный прах копытами» [Достоевский, 1972, т.2, с. 398]¹.

Вопрос о правомерности рассмотрения произведений «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели» ракурсе темы «Сибирский текст Достоевского» является спорным.

По отношению к «сибирским повестям» наметилось несколько подходов:

– как к произведениям переходного периода творчества писателя, в которых особенно наглядно проявились черты новой творческой манеры [Бахтин, 1972, с. 277-281];

– с точки зрения также литературных влияний и традиции «провинциального текста» в русской и зарубежной литературе [Тынянов, 1977, с. 198-226], [Туниманов, 1980, с. 23-24], [Захаров, 2013, с. 178-186], [Кибальник, 2013];

– интерпретация этих произведений в контексте биографии писателя, чем традиционно занимаются литературоведы-краеведы [Кушникова, 2005], [Голуб, 2006].

Второй и третий подходы, на первый взгляд, представляются конфликтными. «Литературоведы-краеведы, – писал В.А. Туниманов, – могут сколько угодно гадать, какой сибирский город послужил прототипом для Мордасова – Омск, Семипалатинск или Барнаул. Усилия их будут тщетны. Неопровержима только литературная родословная Мордасова» [Туниманов, 1980, с. 23-24]. Исследование «литературной родословной» Мордасова и села Степанчиково дополнилось недавно основательным «расследованием», по выражению его автора – С.А. Кибальника, в котором представлена генеалогия провинциального текста Достоевского, восходящего к Пушкину, Гоголю, Салтыкову-Щедрину а также, не в последнюю очередь, к «Сценам провинциальной жизни» Бальзака [Кибальник, 2013]. Признавая, что «в повести Достоевского «Дядюшкин сон» и романе «Село Степанчиково» отразились впечатления писателя от знакомства с жизнью провинциальной России», исследователь склонен считать, в них «складывается скорее обобщенный, типический образ

¹ Что, в то же время, воспринимается как аллюзия на стихотворение А.С. Пушкина «Зимнее утро» («Под голубыми небесами / Великолепными коврами, / Блестя на солнце, снег лежит; / Прозрачный лес один чернеет...») [Пушкин, 1957, Т. III, с. 129] и строчки из «Евгения Онегина»: «Бразды пушистые взрывая, / Летит кибитка удалая...» [Пушкин, 1957, Т. V, с. 99-100].

провинции», а «общепроvincialный стандартный колорит как раз во многом определяется не столько личными впечатлениями от российской провинции, сколько «литературной родословной» Мордасова и образа провинции Достоевского вообще» [Кибальник, 2013, с. 33].

Очевидно, «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели» следует рассматривать с учётом их трансдискурсивной природы, вобравшей в себя как сложившиеся в литературе представления о провинции – «общепроvincialный стандартный колорит», так и жизненные впечатления писателя, вынужденного стать провинциальным жителем и на деле столкнувшегося с теми явлениями, о которых раньше он имел представление только из книг А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и О. де Бальзака.

Что касается комического колорита в описании провинциальной жизни, который присутствует в «сибирских повестях», он, очевидно, связан не только с литературной традицией, но и, не в последнюю очередь, с личными впечатлениями Достоевского. Отметим кстати, что способность видеть в грубых провинциальных нравах весёлое, смешное и комическое, подтолкнула ссыльного писателя к замыслу комического романа (вылившегося в комические провинциальные повести), что, очевидно, объясняется реакцией на трагическое мироощущение каторги и потребностью в очищении через смех. Комическое было реакцией на трагедию.

Упоминание во вводной главе к «Запискам из Мертвого дома» об одном из *«веселых и довольных собою городков, с самым милейшим населением»* получает развернутое воплощение в описании провинциальных нравов города Мордасова. Давно отмечено, что в самой ситуации сватовства и женитьбы, вокруг которых разворачивается действие в «сибирских повестях», просвечивает автобиографический подтекст – история отношений Ф.М. Достоевского с М.Д. Исаевой.

Помимо замечания в письме к Врангелю¹, в письмах Достоевского есть еще информация об обстоятельствах жизни Марьи Дмитриевны Исаевой, будущей жены Достоевского, в

¹ «О барнаульских я не пишу вам. Я с ними со многими познакомился; хлопотливый город, и сколько в нем сплетен и доморощенных Талейранов!» [Достоевский, 1985, т. 28/1, с. 25].

провинциальном Кузнецке, изобилующая психологическими деталями, характеризующими атмосферу жизни в «диком уезде»: «окружена в своем городишке ... людьми, которые смастерят что-нибудь очень недоброе: там есть женихи. Услужливые кумушки разрываются на части, чтоб склонить её выйти замуж, дать слово кому-то, имени которого еще я не знаю. В ожидании шпионят над ней, разведывают, от кого она получает письма?»; «Еще две почты назад она писала мне, успокаивая мою ревность, что ни один из кузнецких не стоит моего пальца <...>, что кругом неё интригуют всякие гады, что всё это так грубо делается, без малейшего знания приличий, уверяет в том же письме, что она более чем когда-нибудь чувствует, что я необходим ей, а она мне и пишет: «Приезжайте скорее, вместе посмеемся» <...> Конечно, посмеемся над проделками кумушек, давших себе слово выдать её замуж. ... Ведь, наконец, собьют её с толку, а главное, загрызут, если увидят, что она не поддается на их проделки <...> гадость кузнецкая её замучает» [Достоевский, 1985, т. 28/1, с. 230-231]. Таким образом, очевидно, что изображение атмосферы интриг и сплетен, царящих в Мордасове и Селе Степанчикове, восходит не только к литературным текстам, как это убедительно показано в нашем литературоведении, но и к жизненным впечатлениям, вынесенным автором в период пребывания в сибирской провинции, что получило отражение в письмах Достоевского этого периода.

Думается, что, создавая «обобщенный, типический образ провинции», Достоевский воспроизводит не столько «общепроvincialный, стандартный колорит», сколько свои личные впечатления от сибирской провинции, которые, в конечном счете, во многом совпали с традиционным изображением провинции вообще. Очевидно, тема «Образ сибирской провинции в творчестве Достоевского» далеко еще не закрыта и требует своего дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акелькина, Е. А. «Записки из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского: формирование поэтики очеркового повествования (1840 – 1860-е годы) / Е. А. Акелькина. – Омск: Изд-во НОУ ВПО «ОГИ», 2007. – 140 с.

Альтман, М. С. Топонимика Достоевского / М. С. Альтман // Достоевский. Материалы и исследования. – Вып.2. – Ленинград: Наука, 1976 – С. 51-57.

Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1972. – 450 с.

Белоусов, А. Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) / А. Ф. Белоусов // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Моск. гос. ун-т; Ин-т мировой культуры; Пермский гос. ун-т; Евразийская ассоциация ун-тов; отв. ред. Л.О. Зайонц; сост. В.В. Абашев, А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 186-197.

Голуб, О. С. Легенды о пребывании Достоевского в Кузнецке / О. С. Голуб // Ф. М. Достоевский и мировой литературный процесс. Материалы конференции 14–15 ноября 2006 г., посвящённой 185-летию со дня рождения писателя. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litmuseum.omskportal.ru/index.php/ru/publications?id=137>. (21.04.2016).

Громько, М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850 – 1854 / М. М. Громько. – Новосибирск: Наука, 1985. – 167 с.

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / Ф. М. Достоевский – Ленинград, Санкт-Петербург: Наука, 1972 – 1990.

Захаров, В. Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества / В. Н. Захаров. – Москва: Изд-во «Индрик», 2013. – 456 с.

Кибальник, С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского / С. А. Кибальник. – Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2013. – 363 с.

Кирпотин, В. Я. Скотопригоньевск: Мир в романе «Братья Карамазовы» / В. Я. Кирпотин // Филологические науки. – 1983. – № 4. – С. 9-21.

Кочедамов, В. И. Омск. Как рос и строился город / В. И. Кочедамов. – Омск: Омское книжное издательство, 1960. – 113 с.

Кушникова, М. «Кузнецкий венец» Федора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века / М. Кушникова, К. Титло, В. Тогулев // Голоса Сибири. Выпуск 1,2. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – С.485-600.

Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. – Т. 2. – Новосибирск: Наука, 1982. – 606 с.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / А. С. Пушкин. Т. III. – Москва: Изд-во АН СССР, 1957. – 558 с.; Т. V. – Москва: Изд-во АН СССР, 1957. – 638 с.

Реймус, Л. М. О пейзаже Скотоприготьевска / Л. М. Реймус // Достоевский. Материалы и исследования. – Вып. 9. – Ленинград: Наука, 1991. – С. 258-266.

Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) / В. Н. Топоров // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – Москва: Изд. гр. «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 269-367.

Туниманов, В. А. Творчество Достоевского. 1854 – 1862 / В. А. Туниманов. – Ленинград: Наука, 1980. – С. 23-24.

Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – Москва: Наука, 1977. – 576 с.

Тюпа, В. И. Мифопоэтика сопряжения художника и жизни / В.И. Тюпа // Новый филологический вестник. – 2011. – № 3 (18) – С. 122-137.